

История нашего настоятеля игумена Митрофана Хаусера, благочинного Южной Германии

«Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет; чтоб они делали это с радостью, а не вздыхая, ибо это для вас не полезно»

Евр. 13:17

В маленькой немецкой общинке, недавно образовавшейся под омофором Московского патриархата в "столице" протестантского богословия Тюбингене, появился молодой студент, шваб из Шварцвальда, ученый

богослов, Михаэль Хаусер. Его привлекла сюда не только красота византийского пения, иконописи, зодчества, которое тогда входило в своего рода моду среди немцев, вдохновленных празднованием тысячелетия крещения Руси - его привела сюда десница

Господня. И хотя, как участник византийского хора, он и посещал регулярно богослужения у игумена Иоанна Бюхелера (+1992), основоположника этой общины и ее пастыря, и даже решил принять православие, но никогда он не смел и помышлять о священстве.

Михаэль рос в простой и бедной протестантской многодетной семье, каких тут было в те времена сотни тысяч, в деревеньке, затерявшейся среди елей и холмов необъятного Шварцвальда.

Бог и богослужения в деревенской церкви привлекали его с детства. В то время как старший брат его обоготворял футбол, как и все ребята, Михаэль не мог расстаться с Библией. Он сам часто заходил в церковь, где было очень красивое Распятие, и подолгу размышлял там о Боге. Община в деревне была самых строгих пиеэтистских взглядов, и мальчика мучил вопрос, почему же надо исполнять все эти строгие христианские правила? Только лишь из страха перед адскими мучениями? Его живое детское сердце сопротивлялось этому изо всех сил, искало Бога милующего, любящего, а не грозно наказующего. И Бог поставил на его пути друга одноклассника из православной греческой семьи, который и познакомил его с греческим батюшкой.

Это был прорыв! От общения с этим священником Михаэль сразу понял, что можно исполнять заповеди не из страха перед наказанием, а из любви к Тому, Кто их дал. И что Господь есть любовь, любовь и только любовь. И что вообще весь мир лишь благодаря ей и держится. Это было так созвучно его устройению души! Наконец-то он обрел ответ на мучивший его с детства вопрос. В 18 лет он заболел сахарным диабетом. Начался путь его страданий в этой болезни. Окончив школу, он получил образование медбрата. Но вопросы высшего порядка его никак не покидали. И он решил поступить на богословский факультет в Тюбингенский университет.

Во время учебы в этом замечательном средневековом городе, он узнал о маленькой христианской общине во имя преподобной Марии Египетской с большим византийским хором. Участие в этом пении, чудные молитвы православного богослужения, любовь между членами ее пленили сердце молодого швабского студента. Он решил отправиться в Эрланген, чтобы изучить православное богословие у немецких профессоров,

специализирующихся на византистике и общающихся с русскими и греческими церковными кругами.

И вот, решительный шаг совершается: Михаэль принимает православие. Чего будет стоить ему этот шаг - он, конечно же, догадывается: презрение и ужас со стороны его родной деревенской общины, когда, с детства знавшие его почтенные дамы, при встрече с ним, станут не только не здороваться, но даже спешить перейти на другую сторону улицы...

Но он не растерялся. Он провел среди своих односельчан цикл бесед о православной вере, растолковав, что это "неизвестное восточное учение" тоже исповедует Иисуса Христа, воскресение и жизнь будущего века, исполняет те же десять заповедей, но только не из страха, а из любви... Кое-кто успокоился, а кое-кто так и остался непримиримым. Господь же судил ему в этой деревне, среди своих родных и близких провести большинство дней своей жизни. Жил он в родительском доме, работал медбратом на приеме у врача и помогал своей сестре, матери одиночке, нянчить младенца, ухаживал за больной мамой. Никто не знал тогда, что эта его родная сестра будет нянчить его самого на протяжении долгих лет - прикованного к инвалидному креслу, делить с ним скорби и радости своей жизни, и при нем, добрейшем "дяде Михе", будут вырастать его родные племянники. Но час Господней воли наступает, и молодого человека с добрым сердцем и прекрасным тенором замечает митрополит Венский и Австрийский Иринеи, когда Михаэль сопровождает его во время посещения им Германии. Перед отъездом митрополит неожиданно задает вопрос, не хочет ли он стать диаконом. Михаэль растерялся... Он и помыслить себе такого не мог. Но на небе все уже было решено. Митрополит рукополагает его тогда же в диакона 8.11.92 в домашней часовне у другого православного немца - о. Петра Планка (+2009) в Вюрцбурге, а на следующий день, в русской церкви святого Нектария в Бишофсхайме, в священника. На это

событие съезжается вся родня. Естественно, встает вопрос о его семейном положении, и Михаэль, не колеблясь, выбирает путь монашеский. Родители дают свое согласие. Митрополит Иринеи, узнав, что он избрал путь иноческий, сказал: «Как трудно будет ему пройти его». Постригает его Владыка Лонгин в Дюссельдорфе 8.11.1993 с именем Митрофан, а, за неимением монахов, сам владыка Феофан становится его восприемником. Новое имя сперва озадачивает молодого немца, но потом он свыкается с ним. А когда подробно знакомится с житием своего небесного покровителя,

то уже никогда и не перестает им восторгаться. И всем с оживлением рассказывает, как святитель Митрофан отверг приглашение царя посетить его дворец в Воронеже, по причине того, что его украшают языческие статуи. И это несмотря на то, что в общем-то, он поддерживал деятельность императора Петра I, великого преобразователя России, наводившего на кого ужас, на кого восхищение. Тем не менее, подвергая свою жизнь риску, он вступил с императором в противоречие. И тот убрал статуи. И епископ освятил дворец. До пострига святитель тоже носил имя Михаил. Сколько горячих слез будет проливать его паства в будущем у мощей этого всероссийского святого о даровании здоровья ее болящему пастырю! Этого он еще не знает. Но документы переделывает на новое имя, и отшучивается по-швабски сотруднику своего банка: "Да, Митрофан - это я. Вы не ошиблись". Неизменной его чертой является жизнерадостность и шутка, не выходящая за пределы деликатности и такта. При любых обстоятельствах, несчастиях и болезнях он не теряет своего внутреннего сияния и оптимизма, являя собой необыкновенный образец терпения и любви. Даже во время аварии, когда мы по дороге в Ульм на крестины, слетели с ним с автобана в поля, потому что он потерял сознание за рулем, когда измятая машина затихла и мы пришли в себя, то он сразу воскликнул: "Ну разве не сонмы ангелов окружали нашу машину!" Ни единого синяка, ни единой царапины! Только долгая дорога к нему домой на медленно плетущемся тягаче с нашей помятой машиной...

Иеромонах Митрофан назначается для сослужения своему пастырю и наставнику игумену

Иоанну Бюхелеру (+1992). Он помогает ему в создании новой общины св. Пророка Илии, состоящей из православных немцев, собирающихся на Богослужения в домашней часовне, с замечательным самодельным иконостасом, в Вернау.

В Штутгарте им удается договориться с протестантами о совершении Богослужений в боковой часовне церкви апостола Луки по воскресеньям, после окончания их службы. Перед каждым богослужением расставляются иконы, аналои, облачается престол и жертвенник, приносятся свечи. В конце все убирается обратно. Эта горсточка неутомимых вдохновенных немцев хлопочет для пары русских старушек, устраивает чаепития, обеда, приезжает сюда аж из Нюрнберга! Только бы помолиться, побыть вместе с Христом. Вот их имена: Семейство П. - Кристофер

(+1997) с женой и двумя сыновьями, Хильда П., семейство Л. - Георг (в будущем священник), Елена (+2002) и двое сыновей, Сергиус Р., Пауль Зонле (будущий священник +2007г), монахиня Серафима Лемахер (+1998), Катарина Ш. (будущая монахиня), Марк Ш., Кирстин В. (будущая монахиня) Рудольф и Ута Х. Есть в общине чтец, регент и даже иконописец! Это, похоже, самая большая немецкая православная община в Германии со времен католической схизмы 1051 года! И отовсюду слышна, конечно же, только немецкая речь. Но из любви к русским эти немцы усиленно изучают кириллицу, русский язык и культуру. Отец Митрофан выучил всю Литургию по-славянски, "чтобы русские прихожане чувствовали себя здесь как дома". И они чувствовали, но не из-за языка, конечно, а из-за присутствия Христа среди этой общины, из-за этой всех объединяющей любви и простоты. Тем временем, Господь совершает Свою жатву, и через несколько недель после рукоположения о.

Митрофана, скоропостижно умирает от злокачественной опухоли мозга игумен Иоанн. Временно на его место назначается о. Пётр Планк (+2009), ученый богослов, переводчик с греческого всех Миней и составитель прекрасных богослужебных православных книг на немецком языке, настоятель общины г. Вюрцбурга. Но ему трудно курировать общины, находящиеся на таком

огромном расстоянии, он тоже тяжело болен (рассеянный склероз), и епископ решает назначить о. Митрофана настоятелем обеих общин - Тюбингенской и Штутгартской. Родители о. Иоанна любезно уступают маленькую квартирку своего сына его преемнику, за символическую плату. Он переезжает жить в Штутгарт, но по-прежнему, работает медбратом в своей деревне, получая самую мизерную зарплату типа 600 марок в месяц. В нестяжании и бедности он так и проводит всю свою монашескую жизнь. Уже накануне рукоположения он достаточно ясно отдаёт себе отчет в том, что служа священником в русской православной церкви в Германии, он не сможет заработать ни копейки. Общины постепенно разрастаются, благодаря открытию границ с Восточной Европой, появляются русские, грузины, сербы, греки. Недавно назначенный на кафедру епископ Феофан Берлинский и Германский активно содействует процветанию своих общин – он регулярно посещает их на престольные праздники, во время которых ставит чтецов, иподиаконов, совершает рукоположения и постриги. В общинах начинают рождаться дети, устраиваются воскресные школы, православные летние лагеря, паломнические поездки, семинары. О.

Митрофан никогда не забывает и старичков. За одинокого прихожанина, иподиакона, почившего в доме престарелых, он заступает перед властями, оспаривая их право "социального погребения" - попросту кремации, и добивается христианского погребения. Он посещает своих прихожан на дому и в больницах, просиживает часами на стульчике возле убитой горем матери и ее умирающего от рака младенца.

Он скорбит со скорбящими и радуется с радующимися. Он, благодаря знанию швабского языка и местных законов, пробивает разрешение у полиции на посещение тюрем и служит там литургии, исповедует и причащает заключенных. Отпуск? Отдых? Этими привычными, общедоступными средствами он не пользуется ни разу: «Какой отпуск? От чего отдых? От монашества?» - отшучивается он. Как кормилица не может отлучиться от своего младенца, так о.Митрофан не может отлучиться от своей паствы. И владыка поручает ему основание нового прихода в Ульме во имя святых мучеников Валентина и Пасикрата, которому сербы отдали маленькую средневековую часовню возле знаменитого Ульмского собора с самой высокой колокольней в мире. На своей машине он сам привозит туда оборудование, печки, иконы, с помощью тюбингенских прихожан шьет облачения, устанавливает регулярные богослужения. Вокруг него спланивается и растет преданная горстка людей. Старая машина его часто застревает, ломается, не может завестись, и мы ее толкаем своими муравьиными усилиями, вместе с его дородной фигурой.

Он, к тому времени уже больной человек. Его обмен веществ функционирует правильно лишь на 25%. У него постоянные боли в спине. Его чемодан с лекарствами и шприцами больше чем чемодан со священническими принадлежностями. Он часто болеет и изнемогает, но дела своего не оставляет. Он летит в Берлин на епархиальное собрание, и мы узнаем, что это первый в его жизни полет. Он не смеет оставить прихожан без служб и окормления. Его расписание должно охватить сразу все три прихода - он служит утром литургию в Тюбингене, а после нее сразу едет в Ульм на обедницу. И наоборот. И про Штутгарт не забывает. Одна девочка, папа которой был иподиаконом и брал ее всегда с собой, решила, что православная церковь - это та, где есть о.

Митрофан - ведь куда бы она ни приехала, а он там служит. На престольные же праздники все три общины собираются вместе там, где празднуется Престол. Тогда хор утраивается, а сам праздник обогащается всякими вкусными приношениями. Приезжает и Владыка Феофан из Берлина.

К концу XX века в Германии закрывается много церквей, целые общины перестают существовать, потому что люди предпочитают другие интересы. В 1998 году о. Митрофан находит такой пустующий общинный дом и договаривается о недорогом съеме его для своей общины. Он заказывает местному столяру большой иконостас с солеей и устанавливает его в зале. Иконы для иконостаса приходят, с Божьей помощью, "сами". Получается огромная церковь. К тому времени общины уже достаточно разрослись, чтобы поддержать такое начинание. Владыка приезжает освящать престол, закладывая в него частицы мощей Киево-Печерских святых. В здании находится много подсобных помещений, кухня. В нем уютно, светло и тепло. Прихожане радуются - наконец-то они обрели независимость. Еще пару лет назад они, во всем ограниченные, вынуждены были праздновать Пасху по времени, дозволенному хозяевами церкви и, не имея возможности совершать пасхальный крестный ход вокруг храма, совершали его на площади перед ним, просто ходя друг за другом по кругу на глазах изумленных жителей, выглядывающих из своих окон. А отец Митрофан всех подзадоривал: "Мы ходим вокруг невидимой церкви". В доме есть уютная двухкомнатная квартира, и о. Митрофан переезжает в нее. Община к этому времени уже насчитывает более 200 прихожан. Люди идут и идут к нему за советом, утешением, помощью. И никому он не отказывает. С другой стороны, он уже должен держать напряженную вахту на границе распри между немецко-говорящими и немецко-неговорящими прихожанами. Каждый требует свое, и все споры идут по поводу языка богослужения. Кто-то начинает уже обвинять его в неправославности, в нерусскости, кто-то, наоборот, в чрезмерном потакании русским - а он, руководствуясь исключительно любовью, старается примирить волнения. Сколько на его голову пало обвинений, и в чем! Одни личности ему звонили анонимно и обвиняли в сотрудничестве с КГБ, другие открыто распространяли слухи, что он отмывает черные деньги. В разговорах на эту тему с близкими он всегда шутил: "У вас есть стиральная машинка? Давайте, надо деньги отмывать".

...Русская Зарубежная Церковь вообще не признавала его священства, потому что у нее были

сложные отношения с митрополитом Иринеем. Из-за этого возникали разные неприятные ситуации, когда о. Митрофана не пускали в алтарь - а он часто возил гостей, особенно из России, чтобы показать прекрасный русский храм Святителя Николая в Штутгарте, построенный в XIX веке. Таинства, совершенные о. Митрофаном, считали там недействительными. Людей, обращавшихся в эту церковь, заново крестили и заново венчали, узнав, что они от о. Митрофана. Легко ли это было понять немцу, вручившему свою веру и свою судьбу Русской Церкви? А куда же ему было деться! Такое было ощущение, что он вечно распят, а мы стоим и плачем у его ног и пытаемся как-то облегчить его страдания. Но нам это не удается, конечно же. Их становится все больше и больше. После очередного посещения больницы, у него в язве голени поселяется инфекция, которая и становится причиной его инвалидности. Боли усиливаются вместе с воспалением, он уже не может жить без анальгетиков, язва достигает размера до 7 - 10 см, даже с костылями ему не осилить всех ступенек, ведущих в храм. Уже через пару лет он вынужден покинуть новую квартиру и перебраться на жительство обратно к сестре - в родной дом. На службы из Шварцвальда его возят сами прихожане. Он подолгу принимает исповедь, сидит еле-еле, утомленный, на стуле, но весь так и светится любовью и утешением.

Люди исповедают ему свои грехи, стоя на коленях, потому что сам он уже вставать не может. В алтарь ему тоже не войти - не осилить ступеньку. Незабываема его внушительная фигура, у северных дверей алтаря, сидящая на своем посту. В какой-то момент стул уже сменяется инвалидным креслом, да и сам о. Митрофан появляется в храме все реже и реже. А без него начинают редеть и ряды прихожан. Остаются самые верные. Верные Христу и Евангелию. К тому времени он давно уже благочинный всей Южной Германии. Он 13 награжден земными наградами - как положено у священников. Последняя его награда – это крест с украшениями, врученный ему архиепископом Феофаном в Ульме в 2010 году. Тогда его внесли внутрь храма Божией Матери, в честь Ее иконы "Знамение", на инвалидном кресле. В Алтарь подняться он уже не мог, и принимал исповедь, как всегда у северных дверей. Во время причащения священников, архиепископ сам спустился к нему, чтобы преподать Святые Дары. Тем временем, община в Штутгарте находит более подходящее здание для богослужений, без ступенек - и о...

А о. Митрофан, не слезая с одра болезни, месяцами не выходя на улицу, все равно продолжает свою деятельность, как может - при помощи телефона, компьютера, почты и, конечно же - беспрестанных молитв. Изредка его навещают прихожане. В его приходах все делается с его благословения, свято соблюдаются установленные им традиции. И одна из них - обязательное употребление немецкого языка, хотя бы частично, на Богослужениях. Этот совет истекает из опыта Митрополита Антония Сурожского Блюма (+2003), который бросил в Тюбинген первое зернышко немецкого православия – основательницу и крестную мать общины прп. Марии Египетской, а за ней - и пророка Илии в Штутгарте, и св. мчч. Валентина и Пасикрата в Ульме, когда принял ее в лоно Православной Церкви в кафедральном соборе г. Лондона 11 мая 1982 года и дал ей имя известной и всенародно почитаемой английской православной святой Хильды, настоятельницы монастыря в Уитби.

В заключение хочется выразить благодарность Господу за то, что Он сподобил меня в моей жизни возрасти и созреть духовно на лоне православной немецкой общины, деятельности которой я с радостью отдала лучшие годы моей жизни. Хочется также надеяться, что Господь будет продолжать и укреплять это самобытное, деликатное, тактичное и преданное Ему до самозабвения немецкое православие и, со временем, эти маленькие родники дадут реку самостоятельной Немецкой Православной Церкви.

1-Игумен Иоанн Бюхелер основал общину в Тюбингене. Епископ Лонгин посвятил его в монашество и священнический сан в середине 80-х годов. Поначалу он окормлял православных греков в здании католической церкви на Фронбергштрассе, а с 1985 года перешел в Шлаттерхаус, где и собралась первая немецкая община прп. Марии Египетской. Он проживал в Штутгарте и умер от опухоли в мозгу в возрасте 43 лет. Похоронен в Штутгарте на кладбище Хеслехер под мирским именем Вольфганг Бюхелер.

2 - Этот иконостас находится сейчас в домашней часовне в Рексингене15

3 - Священник Пауль Зонле рукоположен в Штутгарте в церкви пророка Илии архиепископом Феофаном в 2001 году. Умер от лейкемии в 2007 году в возрасте 67 лет. Похоронен в Штутгарте на городском кладбище.

4 - Монахиня Серафима Лемахер была католической монахиней в Равенсбурге. Приняла православие в церкви св. Прокопия Устюжского в

Констансе.

С начала 90-х годов становится прихожанкой общины пророка Илии в Штутгарте. Дома у нее была часовня с вышеупомянутым иконостасом из Вернау. Умерла в 1998 году и похоронена в Берлине на русском кладбище в Тегеле.

Igumen Johannes Bücheler